

— Это... мое дело, ты мог бы... остаться в стороне... — голос Чэнь Фана прерывался из-за бега, слова звучали отрывисто. Длинная пауза, настолько длинная, что Лу Шицин подумал, будто их разговор закончился, и только потом Чэнь Фан сказал:

— Это ты бежишь со мной... Спасибо.

— Мое нарушение — мелочь. А ты, выглядишь таким прилежным, не похож на нарушителя... Ты тоже молодец.

Лу Шицин на повороте слегка ускорился, используя угол, чтобы оказаться в поле зрения Чэнь Фана. Он увидел, как в глазах того, едва заметно влажных, отражался яркий солнечный свет, а плотно сжатые губы вдруг зашевелились.

— Я знаю, кто ко мне хорошо относится.

Ученики Пятой средней школы всегда старались использовать каждую минуту для учебы, не упуская даже время перед сном, и общежитие по ночам было ярко освещено.

Лу Шицин не поддался этой атмосфере, он бросился на кровать, мышцы все еще болели после наказания бегом, и шевелиться он не хотел.

Тело уже было в состоянии «отключения», но мозг все еще был активен, нервы передавали чувство, называемое возбуждением.

Он смотрел в потолок, мысленно пробегаясь по событиям дня, выделяя несколько ключевых моментов.

Ага, чтобы помочь Чэнь Фану, подрался, нарушил дисциплину и бегал с ним круги.

Подсознательно он все еще думал, что добился чего-то впечатляющего, но, оглядываясь назад, понял, что это были сплошные неприятности, и единственное, что могло порадовать Лу Шицина, было фраза Чэнь Фана: «Я знаю, кто ко мне хорошо относится».

Всего восемь слов, но они казались чем-то невероятно важным, приносящим чувство радости, которое могло затмить весь дневной раздрай.

Чувство героя, спасающего прекрасного, конечно, было приятным, но Лу Шицин вдруг осознал, что он перевелся сюда всего несколько дней назад, а уже столько раз приходилось ему «спасать красавца»? Чэнь Фан, хоть и красив, и скромен, почему-то постоянно становился мишенью для школьных хулиганов?

Если бы это был он, он бы защищал его, а не нападал.

Хотя он и так это делал.

Все имеет свою причину, но что бы ни было, он уже явно и неявно встал на сторону Чэнь Фана, чувствуя, что на этот раз он поможет «своему», а не правде.

К тому же, Чэнь Фан, возможно, и не был неправ.

Он решил сначала узнать, что говорят о Чэнь Фане другие, чтобы понять ситуацию косвенно. Вглянувшись в сидевшего напротив Чжоу Фаня, сгорбившегося, как старая креветка, он спросил:

— Лао Чжоу, ты с Чэнь Фаном знаком?

— Почему ты вдруг заинтересовался им? — Чжоу Фань наконец поднял лицо, почти лежавшее на столе, с очень сложным выражением. — Я с ним не близок, но чувствую, что ты с ним близко сошелся, даже заступаешься.

— Мне просто не нравится этот Смуглый, расскажи, почему он все время пристаёт к Чэнь Фану? — Лу Шицин, преодолевая ломоту в теле, приподнялся на локте, подпер голову щекой и слушал серьезнее, чем на уроках китайского.

— Тогда я тебе расскажу, — Чжоу Фань отложил ручку. Видимо, история была длинной, и он боялся, что пересохнет в горле, поэтому сначала сделал глоток воды. — Чэнь Фан, хоть и бета, но, как ты видишь, красивый парень. Тот, кого ты называешь... Смуглый, его зовут Ван Ли, сначала, увидев такую красоту, решил за ним ухаживать. Получил отказ, и это вызвало у него обиду.

Ага, значит, не смог добиться и из-за любви возненавидел.

Чжоу Фань продолжил:

— Потом Ван Ли начал постоянно придирается и везде распустил слух, что у Чэнь Фана нет отца, а мать зарабатывает... этим самым.

— Каким «этим»? — нахмурился Лу Шицин.

— Ну, этим... — Чжоу Фань зажмурился, запинаясь. — Нечистым.

Лу Шицин только тут вспомнил, что слова Смуглого у туалета имели именно этот смысл.

— Это же их личная разборка, почему никто не помогает Чэнь Фану? — Лу Шицин, вспоминая, как окружающие избегали вмешательства, разозлился. Столько людей, и ни у одного не хватило совести, как у него?

— Я хотел тебя предупредить: Ван Ли на улице связей набрался, никто не решается с ним связываться, — Чжоу Фань вдруг понизил голос. — Ты его задел, будь осторожен.

— Ничего, — отмахнулся Лу Шицин легко.

Ведь после того, как он прошел через кулаки здоровяков-альф в спецшколе, он перед дракой не боялся.

А вот Чэнь Фан... для него это было больше похоже на неожиданную беду. Он не сделал ничего плохого, просто отказал в любви тому, кто ему не нравился, и получил месть.

Говоря проще, это было как бешеная собака у дороги, которой показалось, что цветок слишком красив, и она прибежала гадить.

Поэтому он не против временно стать палкой, чтобы отогнать пса.

Последний урок дня, к счастью, не затянулся, и класс дружно выбежал из кабинета, чтобы успеть на самые горячие блюда в столовой.

Лу Шицин не попал в эту удачную очередь, ему нужно было дежурить. Когда он закончил и пришел в столовую, очередь у раздачи уже поредела, и почти все ученики сидели в зале,

наслаждаясь ужином. Повсюду было тесно, и свободных мест практически не было.

Он достал студенческий билет, подошел к окну, взглянул на оставшиеся блюда. Из обычных четырех мясных и четырех овощных мясных уже не осталось и следа, а он был привереден, только помидоры с яйцом хоть как-то привлекали его. Тетя на раздаче ловко черпнула, но не смогла избавиться от привычки трясти рукой, и в тарелке оказались одни помидоры, ни кусочка яичка.

Лу Шицин, держа тарелку с жареными помидорами, пробирался между занятыми столами. Глаза, как радар, сканировали зал, и он видел только несколько девушек, сидевших напротив свободных мест. Но он не хотел сталкиваться с этими нежными девчонками, быстро отказался от зала и направился в боковую комнатку, где в самом незаметном углу обнаружил свободный стул.

А напротив этого стула сидел Чэнь Фан, прихлебывая суп.

В данной ситуации не было ничего важнее, чем сесть и поесть, но он стоял на месте, не двигаясь.

После наказания бегом Лу Шицин чувствовал, что их отношения с Чэнь Фаном застряли на странной стадии.

Иногда, видя, как Чэнь Фан зябко втягивает шею, он сам закрывал окно, а иногда, видя, как его воротник завернулся, боялся хлопнуть его по плечу, чтобы напомнить.

Это чувство было похоже на зависание в воздухе: боязнь сделать лишнее движение, чтобы не обидеть, но и отступить было неловко. Никак не получалось определить, насколько они знакомы, можно ли болтать, можно ли сидеть за столом лицом к лицу.

Почему в мире нет такого ритуала, который бы объявлял: «Вы теперь знакомы»?

Лу Шицин слегка топнул ногой на месте. На самом деле, стоять так ему тоже было неловко, но в момент, когда он поднял ногу, вдруг почувствовал, что не хочет просто так уйти.

Высокий парень, загораживающий вход, не мог не привлекать внимания. Лу Шицин только что встал там, как Чэнь Фан заметил его. Краем глаза увидев его недовольное лицо, явно раздраженное из-за отсутствия мест, Чэнь Фан понял причину.

Взглянув на свободное место напротив себя, Чэнь Фан хотел позвать Лу Шицина, но долго не решался заговорить.

Он, будучи изолированным от общения, даже произнести имя человека требовало от него больших усилий, не говоря уже о том, чтобы сидеть за столом лицом к лицу — что в определенной степени символизировало близкие отношения.

Краем глаза он увидел, как Лу Шицин поднял ногу, и подумал, что тот уходит. Он открыл рот, но не успел издать звук, как увидел, что нога опустилась обратно.

Его сердце, висевшее на волоске, тоже опустилось.

Когда Лу Шицин снова поднял ногу, Чэнь Фан решительно и сухо произнес звук.

— Ээ...

Шум в столовой словно мгновенно затих, и ухо Лу Шицина точно уловило звук, исходящий изо рта Чэнь Фана. Он сделал вид, что невзначай взглянул, и увидел, как Чэнь Фан смотрит на него, сжав губы.

Чэнь Фан дал шанс, и он должен был быстро им воспользоваться.

С каждым шагом Лу Шицин приближался к Чэнь Фану, пока не оказался рядом с ним.

— Садись сюда, — Чэнь Фан показал на свободное место напротив и опустил голову, чтобы продолжить пить суп.

— Спасибо, снаружи нет мест, — Лу Шицин, хотя говорил правду, все же чувствовал себя виноватым, машинально размазывая по тарелке разваренные помидоры, не решаясь отправить их в рот.

— В следующий раз, когда будешь дежурить, проси кого-нибудь принести тебе еду, если опоздаешь, ничего не останется, — суп был уже на исходе, Чэнь Фан отложил ложку. — Или на Студенческой улице есть рестораны и закусочные, можно там перекусить.

— Тогда... ты проводишь меня? — Лу Шицин уставился в красный томатный суп и вздохнул.

— Сейчас?

<http://bllate.org/book/16746/1540135>